

АЛЕКСАНДР РЯЗАНЦЕВ

Душной ночью в Душанбе

Тяжело работать по ночам. Мысли путаются, пальцы трясутся, слова выстраиваются в ряд и плавятся. Хочется выпить чашку красного чая или бокал зелёного вина, но лучше — кубок свежего воздуха.

Я вытираю испачканные чернилами руки, небрежно собираю исписанные листы, надеваю плащ и шляпу, выхожу на улицу.

Душанбе меня встречает свободой душной ночи. Несмотря на позднее время, по улицам проезжают маршрутки. Двери открыты, из проёма то и дело выглядывает юный зазывала, машет руками и что-то кричит. Он может выпасть из машины в любую секунду, но парня это не волнует: надо работать, иначе город тебя поглотит.

Желудок неприятно режет, и я вспоминаю, что целый день ничего не ел. Где-то рядом есть кафе «Туран»; мне про него рассказывал очкастый учёный-востоковед с орлиным носом, сидевший рядом со мной в самолёте.

Я поправляю шляпу, засовываю руки в карманы и отправляюсь на поиски.

Кафе нахожу без труда. Это погребок для местных. Спускаюсь по крепкой дубовой лестнице, раздвигаю ладонями кисейные занавески и прохожу в зал, небольшой и уютный.

— Эй, брат! — улыбается юноша-официант.

Я не люблю, когда посторонние называют меня «братом», но в Таджикистане приходится держать себя в руках — это самое уважительное обращение среди местных, вроде «милостивый государь» из уст полового в рязанском трактире.

— Добрый вечер. Столик на одного, пожалуйста.

Официант торопливо оглядывает душное, полное людей помещение, задумчиво проводит пальцем по куцему усу.

— Пачты всё занато, брат... Ест толька одын места у... — он замаялся, подыскивая нужное слово.

— Давайте, — я иду вслед за официантом, на ходу расстёгивая пуговицы плаща.

За небольшим столиком сидел почтенного вида старец с длинной белой бородой и умными глазами. В руках он держал небольшую книгу в кроваво-красной обложке. Губы тихо шевелились, глаза привычно пробежали строку за строкой.

Я поздоровался и сел за стол. Официант протянул меню, исписанное непонятными буквами. Хотя одну я узнал — «ё», давно забытую в России.

— У вас есть на русском?

— Дэ, брат! — Официант торопливо повернулся, прошёл мимо старинной глиняной печи и скрылся за дверью.

Я стал рассматривать незнакомые знаки, стараясь разгадать их секрет. Хватило пары секунд, чтобы понять, насколько это бесполезно.

— Возьмите самсу. Здесь её хорошо готовят. — Старик уже отложил книгу в сторону и смотрел на меня с любопытством.

Я почувствовал неловкость и, преодолевая природную робость, спросил:

— А что в ней такого? Я как-то ел самсу на улице, и...

Старик улыбнулся, провёл рукой по бороде.

— В Москве вы ели не самсу, уж поверьте...

Я сдержанно улыбнулся.

— Как вы поняли, что я москвич?

Старик налил себе чаю и положил кусочек сахара.

— Это видно по вашим глазам. И по манере одеваться.

Он говорил почти без акцента, точно подбирая слова, соответствовавшие обстановке и духу времени. Но чем больше я его слушал, тем крепче убеждался: старик был воспитан в далёкую эпоху, и будь его воля, то говорил бы он изысканно и поэтично. Но изысканность и поэзия, в отличие от денег и нахального престижа, в наши дни мало кому нужны.

— Вы правы, я из Москвы. Приехал сюда на одно мероприятие.

— Куда? — старик слегка нахмурился.

— На медиафорум.

Старик нахмурился ещё сильнее.

— Позвольте узнать: что это?

— М-м-м... Встреча журналистов из разных стран. Они читают лекции, задают вопросы, берут интервью, пьют пиво, — я развёл руками. — Всякое такое.

— Понятно... Стало быть, вы журналист? — старик отпил из чашки. Он зажал её между большим и средним пальцами, держась ими за специальные выступы, чтобы не обжечься, и время от времени делал по небольшому глотку.

— Да, работаю в газете. Пишу про литературу и кино. Иногда про политику.

— Замечательно... А про поэзию пишете?

— Конечно...

Теперь я улыбался тепло, а не сдержанно. Очень давно не говорил с понимающим человеком о том, что сам искренне любил.

— Не так давно брал интервью у одн... — начал было я, но осёкся.

Вернулся официант со слегка потрёпанным листком меню в руке. Протянул было мне, но я вежливо отказался:

— Одну самсу, пожалуйста.

Официант оживился.

— Самсу? Каторый?

Я рассеянно провёл рукой по волосам. Посмотрел на старца.

Тот легонько махнул рукой, и официант сразу перевёл на него взгляд. Они недолго о чём-то побеседовали; юноша, кивнув, удалился. Записывать ничего не стал.

— Я договорился, — успокоил меня старец. — Вас вкусно накормят.

— Спасибо большое... Как вас зовут?

— Омар, — старик слегка смущённо, но благодарно пожал протянутую руку.

Мы неспешно зажурчали о книгах, любви и вине. Омар попросил бутылку красного, и вскоре мы её распили.

— Вы женаты? — Омар пригубил из стакана.

Сердце неприятно укусила тревога-крыса. Полилась кровь, и я залил рану глотком вина.

— Нет.

— Отчего так? Вы очень молоды, самое время найти себе добрую жену.

— На веки вечные?

— Можно и так.

— А можно и на вечер... — я устало улыбнулся. Вино, выпитое на пустой желудок, вызывает болтливость.

Я подлил старику, а затем снова наполнил свой стакан.

— Сложно с жёнами, Омар, сложно. Вроде знаешь женщину, один день или много лет, сблизись — и окажется, что она совсем не та, какой тебе представлялась. Вы проводите прекрасный вечер, целуетесь в подземных переходах, что-то друг другу обещаете — а потом дверь между вами закрывается, и ты идёшь по осенней листве, ещё на что-то надеясь. Пару дней переживаешь, а затем с привычной грустью понимаешь — ты нужен не потому, что ты есть, а потому, что можешь что-то дать: время, деньги, силы, надежды...

Омар слушал меня, поглаживая бороду. В его умных глазах таилось тепло.

— Задумчивая душа склоняется к одиночеству, — мягко проговорил старик.

Я вздохнул, но для видимости. На душе стало полегче.

— Как вам вино? — Омар сделал глоток.

— М-м-м... Хорошее, спасибо. Это местное?

Старик кивнул.

— Наслаждайтесь. Вы съели слишком много горькой прозы жизни, а потому можете насладиться её поэзией.

Раздался звон, прозвучал застольный тост, и красные капли зашипели на моей старой, гноящейся ране.

— Слишком часто я стал так утешаться...

— Лучше утешиться сейчас, когда есть кувшин с вином, чем потом, когда прямо перед носом захлопнется дверь.

Кругляши на кисейных занавесках мягко ударились друг о друга. Приходили новые гости. Я пил вино и наблюдал за людьми. Чаще всего они приходили вдвоём, иногда в компании; почти все — бородатые. Мужчины садились за стол, делали заказ у знакомых официанток, доставали сигареты. Погребок медленно наполнялся дымом.

— А что, здесь можно курить? — спросил я Омара.

Он торжественно кивнул головой.

— А почему?

— Таков закон. На улицах нельзя пить и курить, зато в кафе и ресторанах — сколько хочешь.

Я на секунду задумался, затем понимающе покивал.

— Понятно, в чьих интересах такой закон...

Омар слегка улыбнулся.

— Мёд можно добыть даже из горьких трав.

Мы чокнулись и выпили.

Неподалёку раздался юношеский смех. Я слегка развернулся и увидел группу ребят, занявших небольшой проём в глубине погребка. Они радовались запоздалому гостю, который, разувшись, поднялся по трём ступенькам, отдернул занавеску и, поджав колени, занял свободное место.

— Ваш самса, брат. — Официант поставил передо мной большой глиняный горшок, из которого пахло мясом и специями.

— Это... что такое?

— Самса, брат.

Я потрогал горшок. Он был горячим. Внутри плескался густой бульон, насыщенный специями, и плавали кусочки мяса. На стенках горшка запеклась хрустящая хлебная корочка.

— Это едят руками?

— Да, брат.

Омар слегка пошевелил пальцами, и официант поставил на стол ещё одну, заранее принесённую бутылку красного вина.

— Иштихой том!

Я удивлённо взглянул на юношу, потом на Омара.

— Приятного аппетита, — перевёл старик.

Официант удалился. Я оценивающе взглянул на горшок, потом на Омара.

— Угощайтесь.

Омар слегка поклонился, торжественно сказал что-то по-таджикски (я расслышал только «рахмонир рахиим») и отломил кусочек хлеба.

— Нужно окунуть его в бульон, взять столько мяса, сколько нужно, и поднести ко рту.

Я послушно всё сделал. Аккуратно, боясь разбить горшочек, отломил кусок хлеба и макнул его в жидкость. Потом осторожно поднёс ко рту и проглотил. Бульон был горячим, но мягким; ароматная много-

вкусица приятно согрела язык, щёки и нёба. Специй была тьма, но они не били меня горячим утюгом, а ласково грели душу.

— Вкусно? Как вам? — Омар прожевал кусок и теперь смотрел на меня.

— Очень необычно... Столько вкусов...

— Так и есть, в нашей кухне целое войско вкусов, тогда как в итальянской или испанской — только один военачальник.

— Вы знаете европейские блюда? — я отёр губы синей салфеткой.

— Да, доводилось пробовать. У нас тут есть европейские чайханы, очень недешёвые.

Из проёма раздался хлопок вылетающей пробки и радостный смех.

«Вино не только друг, вино — мудрец...» — вспомнились когда-то читанные строки.

Я съел ещё кусочек самсы и запил его красным. Голова приятно закружилась.

Когда мы закончили трапезу и расплачивались (после долгих споров я позволил Омару заплатить за вино, но расходы на самсу взял на себя), мой собеседник спокойно предложил:

— Хотите, покажу вам город? Вы такой Душанбе ещё не видели.

Звучало подозрительно, но я согласился. Омар надел старую чёрную куртку, я — шляпу и плащ, мы выбрались из погребка и побрели по тёмным улочкам Душанбе.

Мимо прошёл выпивший мужчина. Увидев мою шляпу, остановился, развёл руками и подозвал к себе трясущимися пальцами.

— Хэ, русски, как Масква?

Я хотел было остановиться, но внезапно помрачневший Омар не дал мне это сделать. Он пошёл быстрее, и я последовал за ним.

— Хэ дэвона чи джавоб намэти?! — раздалось позади. Похоже, мужчина ругался.

Омар остановился. Обернулся, подошёл к гуляке, схватил его за поднятую было руку и что-то яростно заговорил громким шёпотом.

Гуляка остыл. Вырвал руку из ловких пальцев Омара и, бросив что-то напоследок, скрылся в ночи.

— Прошу прощения, — старик вернулся. — Душанбе — большой город, царство секретов.

— Ничего страшного... — я ещё не совсем пришёл в себя. Застыл где-то между страхом и гневом, не успев отвесть ни того, ни другого.

Город впервые ударил меня контрастом, где между безмятежным удовольствием и подавленной яростью расстояние — шаг.

— Мы почти пришли, — Омар кивнул в сторону огромной башни песочного цвета.

Мы подошли поближе. Свет от фонаря падал на небольшую позолоченную табличку у входа. Прищурившись, я с удивлением разглядел знакомые русские буквы. Это было государственное учреждение.

К нам подошли охранники, на ломаном русском предлагавшие подняться на крышу — за плату. Узнав Омара, поскучнели. Не говоря ни слова, мы прошли мимо них, миновали дверь-вертушку и поднялись на лифте на пятнадцатый этаж.

Вышли на балкон. На меня уставилась тысяча ярких глаз ночи. Я смотрел на красные и жёлтые огоньки, собравшиеся под моими ногами, и боялся, что нечаянно их раздавлю.

— Что вы видите?

Я задумался о своих страхах, сомнениях и надеждах, но не стал говорить о них вслух.

Омар довольно кивнул и провёл пальцами по бороде.

— Город вам кого-то напоминает?

— Да.

— Кого?

— Одну девушку. Аню. Мы когда-то дружили, потом не виделись пять лет, а одним странным утром случайно встретились на улице — для того, чтобы провести ночь вместе. Когда я с ней прощался и спускался по лестнице, то понимал, что в следующий раз увижу её завтра или ещё через пять лет, а может быть — никогда.

Я взглянул на Омара. Он слушал меня, но смотрел то на звёзды, то в яркие глаза города.

— В итоге я всё понял. У неё вышла размолвка с женихом, а я стал маслом, смазавшим их отношения. Ей нужно было забыться. Теперь она чья-то жена. Не моя.

Омар молчал.

— Уже поздно, — я взглянул на часы. — Не хочется вас смущать. Будем прощаться.

Омар пожал протянутую руку.

— Вас проводить до гостиницы?

— Нет, спасибо, сам доберусь. Скажите лучше, как вы смогли меня сюда провести?

— Я здесь работаю, — улыбнулся Омар. — Охранником. Стою здесь по ночам, слежу за городом. А днём пишу рубаи.

— Вы... Тот самый?..

Омар слегка кивнул.

— И... почему вы охранник? Почему не живёте во дворце? Вас читает весь мир, вы...

— Времена нынче тяжёлые, — вздохнул Омар Хайям. — Люди читают меньше. С каждым годом моя борода становится всё белей и белей... Но я не боюсь. Я достаточно пожил и грущу лишь оттого, что написал не так много, как мог бы.

Я молчал. Это было одно из редких мгновений, когда я, журналист, взявший сотни интервью, не знал, что сказать.

— Здесь хорошо, сюда не добирается духота города. На улицах очень, очень душно. Здесь же я чувствую свежесть и свободу.

Возвращаясь к лифту, я обернулся и взглянул на Омара Хайяма. Тот стоял у бортика, ведущего в бездну, и смотрел на небо. Старое, крепкое тело обдувал ночной ветер.

Вернувшись в свой номер, я снял шляпу и плащ, сел в кресло и достал ноутбук. Надо было написать о внезапной встрече с Омаром Хайямом, пока впечатления не выветрились, словно винные пары. Я начал щёлкать по клавишам, останавливался, перечитывая написанное, всё стирал и начинал заново. В окно на меня смотрела ночь — тысяча глаз внимательно следила за каждым моим движением, каждым щелчком клавиши и мыслью. Было сложно не обращать на неё внимания.

После пятой попытки написать статью я сдался. Поднялся, нервно заходил по комнате, потом как был, в одежде, лёг в постель. Достал из кармана смартфон. Он казался каким-то нелепым в эту душную ночь в далёком восточном городе.

Нашёл знакомый номер. Анин. Твой номер, милая.

Долго смотрел на него. Слушал голос, который месяцами запрещал себе вспоминать. Её смех, после которого хотелось сделать что-то хорошее — например, подарить цветы или написать материал. Её слова, которые она шептала в полусне, лёжа рядом на смятой простыни. Слова, которые я не слышал только когда делал глоток красного вина.

Было поздно. Неприлично поздно. Но я нажал пальцем на экран, прислонил смартфон к уху и стал слушать гудки.

Первый. Второй. Третий. Четвёртый...

— Да? — одного её слова было достаточно, чтобы я заговорил.

— Здравствуй, Аня.

— Это... Ты, что ли?

— Да. Я знаю, ты спишь. Я твой сон.

Она молчала. Я слушал её дыхание.

— Я скучаю, Ань. И не могу без тебя. Да, я понимаю, что ты замужем и любишь того, кого выбрала. Просто знай — я помню о тебе. И никак не могу забыть.

Она продолжала молчать. Дыхание в трубке усилилось.

— И понимаешь, я... Я спать не могу. Просто не могу. Мне душно, мысли путаются. Приходится писать. От руки, на ноутбуке, как угодно. Говорить. Днём и ночью. Ночью и днём.

Я перестал говорить. Мы оба молчали.

— Я не замужем, — глухо сказала Аня.

Моё сердце сжалось.

— Что?

— Я не замужем. Мы расстались. Почти сразу после нашей с тобой встречи.

— П-почему?

Аня вздохнула.

— Потому что я думаю о тебе. Каждую ночь. И не могу спать. Совсем как ты.

Мы недолго помолчали. Думали. Вспоминали.

— Я возвращаюсь завтра. Вернее, уже сегодня вечером. Приехать к тебе?

Снова молчание. Снова воспоминание. Снова эта духота, из-за которой я не могу спать.

— Приезжай, — так же глухо сказала Аня. Но в её словах я услышал едва скрытое, само себе не верящее счастье.

— Я приеду, — голос дрожал, и из глаз лились слёзы, но я улыбался. — Приеду, Ань. Уже скоро.

— Я жду тебя, — Аня говорила тихо, но уже теплее. — Я хорошо помню нашу ночь. Мы были рядом, и нам хорошо спалось. Я помню

тот сон — за окном снег, а рядом ты, тёплый, усталый. И в шляпе. Ты в ней как будто из прошлого века.

Я вздыхаю. Руки трясутся. Хочется выпить, но не вина, а воды.

— Мы скоро встретимся. Я очень по тебе скучаю.

— И я. Жду тебя.

Поговорили. Я молча сижу на кровати. Слезы льются из глаз. И я улыбаюсь. Потом встаю, подхожу к окну и смотрю на высокую башню. На её самый-самый верх. Там мой друг, Омар Хайям. Я его не вижу, но знаю — он тут. Смотрит, дышит, размышляет. Пишет.

Я долго смотрю в окно. Спать не хочется; я жду встречи с Аней. Она произойдёт совсем скоро. Осталось недолго.

Сам не замечаю, как наступает рассвет. Мрак уходит, и просыпающееся солнце радует глаз. Я смотрю на часы и понимаю, что так поздно, что уже рано. Раздеваюсь и принимаю душ.

После, снова взяв телефон, звоню главному редактору. Хочу всё ему рассказать. Об этой ночи, об этой встрече, о двух разговорах, вернувших мне жизнь и сон. Об Ане — я жду её. Я жду, когда снова смогу заснуть.

Раздаётся слабый писк, и я слышу голос редактора.

— Да, слушаю!

— Здравствуйте, Александр Сергеевич...